

Иван Лагунин

Виршенлет
из
Флорены

16+

Иван Лагунин
Виршеплет из Фиорены
Серия «Виршеплет
из Фиорены», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48812096
SelfPub; 2019*

Аннотация

Что нужно приличному молодому виршеплету дворянских кровей? Слава, женщины да хорошее вино! И, конечно, совершенно не нужны неприятности, что посыпались, как из рога изобилия, едва я окончил университетскую и заглянул в родные края! Страшолюдные твари, маги и орки, а ты словно мышь под их ногами. Тут бы щегольнуть стальными бицепсами или развитым интеллектом, но что делать, если ты двадцатитрехлетний безмозглый обалдуй, лучшие достижения которого – в сфере наставления рогов? Остается лишь молиться Провидению, чтобы выпутаться живым из этой дрянной истории!

Позвольте представиться – Аска Фиорентийский! Балагур, весельчак и просто хороший человек! Вернее, наполовину человек, так как вообще-то я полуэльф.

Что нужно приличному молодому виршеплету дворянских кровей? Слава, женщины, да хорошее вино! И, конечно, совершенно не нужны неприятности, что посыпались как из рога изобилия, едва я окончил университетскую и заглянул в родные края!

Страшолюдные твари, маги и орки, а ты словно мышь под их ногами. Тут бы щегольнуть стальными бицепсами или развитым интеллектом, но что делать, если ты двадцатитрехлетний безмозглый обалдуй, лучшие достижения которого – в сфере наставления рогов?

Остается лишь молиться Провиденцию, чтобы выпутаться живым из этой дрянной истории!

Выношу горячую благодарность первым читателям и редакторам сего творения: Ивану Я., Евгению П., Евгению Т., Роману Б., Александру К., Юрию Р. и Анне. К.

ВИРШЕПЛЕТ ИЗ ФИОРЕНЬ

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

«Бам-бам-бам». Мелкие бесенята без устали барабанили мне по голове. Молоточки, долоточки, а порой и полноразмерные кувалды, все пошло в ход. Они перестукивали по вискам, каждый на свой лад, под веселый раздражающий

смех.

О-о-о-ох... Я приоткрыл один глаз. И видят Ушедшие, это был подвиг! Сложу-ка я по этому поводу песню. Старый заносчивый пень – Аргилак Ласточкино Крыло, по недоразумению небес, преподававший мне стихосложение на третьем курсе так и говорил: «Аска, настоящему поэту всегда есть о чем писать. Он пишет о самой жизни!». «Поэма о похмелье!» Ха! Да я прославолюсь по всем Внутренним ойкуменам! Да что там, бери выше – по всему Северу!

Твою же мать, ну и зачем я вчера так нажрался?

Мутный мир встретил меня косым лучом света, с трудом пробившимся сквозь запертые ставни. Мельчайшие пылинки искрами проплывали сквозь чуждого этому царству теней, гостя. И, как назло, моя физиономия встала как раз на его пути. Я со стоном отвернулся к стене. Старые обои, в которые уперся мой взгляд, покрывали легкомысленные выцветшие розочки. Подстать старым шлюхам, на коих только и могли наскрести монет постояльцы этой дыры.

О-о-о-ох... Я со стоном продрал второй глаз. И видят Ушедшие, это был подвиг! Полежав с минуту и, пересчитав розочки на стене, я вернул голову в исходное положение и попытался выползти из-под надоедливой луча. Лучше бы я этого не делал. Кровать внезапно закончилась, и я с грохотом снизошел на твердь земную. Вернее трактирную. Вернее не твердь, а пол. Дощатый заблеваный пол! Твою же мать! Моя батистовая камиза! Сторгованная за пять серебряных

на Земляном рынке в славном городке Постриж!

Хотя, на кой бес я расстраиваюсь? Помнится, впервые я заблевал эту чудесную работу бергийских эльфов еще позавчера!

Треклятые бесенята все никак не хотели оставить в покое голову, в животе сражался гномий хирд, а во рту встала на постой рыцарская конница. И срала, и срала...

Рука сама нашла дорогу за отворот правого сапога к тщательно оберегаемому сокровищу – маленькой фляжке с черным орочьим горлодером. Величайшее творенье гномов – хитрая пробка, слетающая одним щелчком, весело тренькнула, откинувшись на цепочке, и в пересохшее горло начали капать живительные капли...

Капли??? О, Ушедшие! Бараний рог вам в зад! Кто вылакал мой стратегический запас?!

Следующие пять минут один очень злой полуэльф лихо-радочно перерывал брошенную тут же, у кровати, дорожную суму. Еще миг и еще одна заветная фляжечка прыгает в моих трясущихся руках. А потом вот он – момент истинного счастья! А-а-а... кого я обманываю? Треклятое орочье пойло – отвратно на вкус! Но поистине живительно.

Еще несколько минут, пока медленно пробуждающийся желудок сражался с проглоченным зельем, в голове звенела девственная пустота.

Откинувшись к стене, я попытался поймать хоть какую-нибудь мысль. Зрение сфокусировалось, и я смог оки-

нуть взглядом погруженную в полумрак комнату. Задернутое выцветшими шторами окно, широкая кровать с горами грязного тряпья, маленький стол, колченогий стул, гитара в расписном чехле и... огромная лужа блевотины, в которой я сидел!

– Твою... – горло предательски подставило, и вместо ядреного ругательства издало противный свист, словно я эльф-кастрат из шоу «Поющих крылышек».

А потом, в мгновение, вернулось обоняние и меня скрутило от выворачивающей наизнанку вони. Да что ж это я вчера такое сожрал-то? И Провидение не замедлило дать ответ на мой вопрос.

Меня скрутило, вывернуло, скрутило, вывернуло... но на третий раз что-то, наверно, щелкнуло в спинном мозге, включились ноги и сами вынесли меня прочь из комнаты.

Вернее... попытались вынести. Ибо все, на что их хватило – это выпихнуть мою распластанную тушку в темный затхлый коридор. Проползя еще несколько метров и оставив вонь позади, я вновь устало привалился к стене.

Опа! Я в изумлении уставился на все еще зажатую в руке фляжечку. Вот что значит опыт! Мгновенно сработали рефлексы, и новая порция горлодера провалилась в бунтующее утро.

Прошел, кажется, век, прежде чем я смог принять вертикальное положение. Жутко хотелось пить, и желательно что-нибудь полегче орочьего пойла! Например, кружечку... нет

кружищу ледяного пива... или две... или три...

Собрав силы, я двинулся в путь, словно километры мимо моего взора проплывали исцарапанные и засаленные доски стены, вдоль которой я начал свое путешествие. Они казались бесконечными, но я свято верил в цель! И, кажется, еще до обеда я все-таки растворил створки старой разохшейся двери и вывалился на лестничную площадку, нависающую над большим залом.

И только повиснув на перилах площадки, я осознал, какой тут творится переполох. Десятка два людей толпились посередине зала, истерично вопя друг на друга. Но мне на это было... «амарус де льнатонга» или в переводе с Древнего Наречия... а неважно. Ибо в углу зала я заметил чудесный, смутно знакомый дубовый стол. Ноги сами собой понесли меня за эти родные мягкие дубовые доски, словно давние друзья, они манили и тянули меня к себе.

Три оборота старой разохшейся винтовой лестницы я преодолел одним единым пируэтом, и только вознамерился, словно легендарный искатель сокровищ Босой Гамар, аки тень проскользнуть сквозь гомонящую толпу, как мои ноги разругались между собой, и я, споткнувшись, растянулся на грязном полу.

Было больно... Кажется везде. Хрипло подвывая, я попытался сесть, а когда мне это удалось с удивлением обнаружил, что окружающие оторопело разглядывают мою физию.

– П-приветствую... э-э-э... – Только тут я обратил внима-

ние на тех, кто собственно собрался в сей спиртной обители. – Ба... знакомые все лица...

Возглавлял список сир Ксадар фо Порто, нынче исполняющий обязанности шерифа чудесного града Базела, где я имел честь находиться в данный момент. Его благородно-усатое лицо было чрезвычайно взволновано и зло, а недоумевающий взгляд прямо на глазах менялся на раздраженный.

Следующим шел сержант Джо Бафар. Толстый старый пердун недоуменно чесал под шлемом, топорща щетку седых усов.

Далее по рангу можно было бы перечислить всю бравую пятерку парней из нашей любимой городской стражи... но хрена им! Не доросли еще до того, чтобы оставить свой след в истории!

Картину маслом дополнял бордовый, сто лет в обед, как вышедший из моды, пыльный камзол месье Брагги, с самим месье Браггой внутри – управляющим замком, ядрены вши ему в штаны, графа Хисара. И хитрый прищур сира Далтона фо Барра, мастера на все руки, тайного советника графа и просто очень нехорошего человека.

На фоне столь влиятельной и почтительной публики мялись хозяин трактира месье Шат и несколько его девочек. Ох, что же это были за чудесные девочки... прямо чудо, какие девочки... Староваты, на мой вкус, в приличных местах таких бы не решились подать к ночи для молодого господи-

на, но... провинция-с! И на том спасибо!

Мои размышления о девочках прервал грозный рык Ксадара:

– Аска, твою же мать... что ты здесь делаешь?

– Моя мать была весьма... п-почтенной госпожой, сир... вам ли этого не знать? – подколот я его, обвел мутным взглядом почтенную публику и добавил. – По крайней мере, я надеюсь на это... Гм... По к-какой... ык... теме переполох, господа?

Сержант Бафар шумно выдохнул и, почесав под кирасой, вопросительно поглядел на начальство, интересуясь, выносить ли тело? Начальство, в виде сира Далтона, увидев кто перед ним, быстро потеряло интерес к моей персоне, вяло махнуло рукой в сторону заветного дубового стола, и продолжило что-то громогласно выговаривать обратившемуся в тень трактирщику.

Я так же быстро потерял интерес к этому цирку. Благо, старый дружан Ксадар, быстро оценив мои способности к передвижению в данный момент, взял меня за шкуру и затщил за благословенный стол. Не успел я оглянуться, как передо мной очутилась большая пенная кружка. Скопив глаза, я увидел своего благодетеля – то Бесстыдная Милли, одна из девочек месье Шата, словно пресветлая нимфа, одарила страждущего глотком божественного напитка!

Народ бегал, орал, а я пил, в задумчивости разглядывая выцарапанную на лавке надпись «Орки гады!». Этот чудес-

ный миг мог бы длиться вечно если бы не озабоченная физия Ксадара, всплывшая в поле моего зрения – то бишь провавившаяся по другую сторону кружки.

– Аска, какого беса ты здесь делаешь?

– Вообще или сейчас?

Доблестный капитан базелской стражи побагровел.

– Сейчас я пью... а в-вообще я уже неделю, как почтил своим присутствием родные края!.. Гм... тебе ли это не знать?.. Если мне не изменяет п-память, мы отведывали с тобой светлое долманийское в кабаке Мутного Хасснера недалеко, как пару дней назад! – Я наклонился к шерифу, сфокусировался на его глазах и проникновенно спросил. – У тебя уже провалы в памяти, мой друг?.. Ты еще так молод... надо меньше пить...

– Аска, ослиная ты башка! – Взяв за плечи, Ксадар встряхнул меня так, что пиво забултыхалось у меня в желудке. – Брось свои остроты! Ты что-нибудь слышал ночью?

Я, запрокинув голову, залил в себя остатки пенного напитка, и вновь вперился в Ксадара, только сейчас сообразив, что мой друг чем-то весьма озабочен.

– Милли! – гаркнул я. – Принеси мне чего-нить... э-э-э нормального!

– Аска, бесы тебя раздери, заткнись, пока сир Далтон тебе башку не открутил! – прошипел Ксадар, схватив меня за руку.

– О Ушедшие, да что тут у вас стряслось?

– Ты же битый час сосеешь здесь свое пиво! Аска, совсем мозги пропил? Молодого да Рома завалили!

– К-кого? Розожопого Джека? Или Рона?

С «розожопым» я, конечно, хватил через край. Может младший отпрыск графа Хисара хоть и предпочитал больше мальчиков, но все-таки он был сыном сюзерена нашего доблестного служаки. Ксадар, потемнев лицом, медленно поднялся, воинственно растопырил усы, схватил меня за плечи и начал немилосердно трясти.

– Ксад-д-дар, п-прекрат-и-и-и... твою м-мать. – Видят Ушедшие, еще минуту и он вытряс бы из меня всю душу... или, как минимум, вчерашний ужин, если он во мне еще оставался.

– Да Джека, Джека! Прочисти мозги! Здесь завалили. Здесь! Ночью!

– П-прямо здесь? – Я в недоумении оглядел грязноватый, ставший уже родным за последнюю неделю, зал.

Только тут я заметил, что все народонаселение куда-то рассосалось и лишь Бесстыдная Милли тащит мне какую-то бутылку со стаканом на подносе.

– В номере, балда!

– Милли, душка, иди ко мне... я т-тебя расцелую...

Милли хихикнула, ловко увернулась от моих загребущих рук и, плеснув принесенного поила в стакан, удалилась, старательно качая бедрами. Сквозь пышное грязноватое платье, бедер я, конечно, не видел, но живо себе представил.

– О Ушедшие! – Ксадар, вновь поднявшись из-за стола, опять встряхнул меня так, что я едва не грохнулся с лавки. – Прочищай скорее мозги! Посмотри на себя, совсем мозги пропил?

– Да бесы тебя подери, К-ксадар, достал ты со своими мозгами... – Я залил в себя обжигающую жидкость. – Что за хрень? «Ха-дарс-кий лист» – прочитал я выцарапанное, на бутылке, название. – Милли, стерва, ты чего мне подсунула?!

Я завертел головой в поисках девушки, но наткнувшись на взгляд шерифа, понял, что не за горами еще одно смертоубийство.

– Да что ты от меня хочешь, Ксадар? Мне на г-ребанного Джека было н-насрать вчера, насрать сегодня и будет насрать завтра! М-могу сложить посмертную оду. Хочешь?

И помер он в тиши ночной,
С голой жопой... под луной...

– Р-р-р... Аска... я... я... тебя...

– Успокойся и с-сядь... – Я плеснул в стакан подсунутого Милли пойла и протянул его все еще стоящему капитану стражи.

Тот шумно выдохнул, сел и залпом выпил. Скривился, затем еще раз налил до краев и выпил еще раз.

– Во, т-так-то лучше, дружище! Ну, помер, с к-кем не бывает.

Ксадар мрачно уставился на меня.

– Аска, ты чего заикаешься?

– Гм... – а, правда, чего это я?

– Там, – капитан ткнул большим пальцем в потолок, – на втором этаже. На куски. Понимаешь? Просто на куски разорван!

– Гм...

– Вот тебе и «гм»... Сегодня утром. Горничная зашла прибраться... а там кровящи... Все залито! Она к Шату, а тот в истерику. Он-то знал, кто тайно посещает его апартаменты... ну, сам понимаешь для чего... Он ко мне. Я сюда и гонца в замок. Не прошло и часа, как сюда вся кавалерия прибыла, – от волнения Ксадар перешел на короткие, по-военному рубленые фразы.

Я неопределенно помычал и налил себе еще стаканчик.

– А тут ты с зеленой рожей. А ну быстро рассказывай, что ты здесь делаешь, где был ночью, что слышал? И давай... без этих... шуточек. Ты не представляешь, что сейчас начнется! – Ксадар устало потер лицо. – Короче быстро вываливай мне «от и до»!

Я тоже последовал его примеру. С силой растер лицо, разгоняя похмелье. Дело-то, похоже, серьезное.

– Гм... Ну неделю я тут живу... Решил вот... навестить... Да ты и знаешь... Вообще я на юг собирался... но решил заглянуть, проведать... гм... А вчера я был занят! Пил! Не знаю... может с девахой какой-нить... того... Хотя у жадины Шата девачи не очень... Староваты... Гм.. Может у толстопуза Зерха поднял кого?.. Не помню, короче!.. И вообще...

Провались пропадом этот Джек! Всегда его не любил!

– А кто его любил? – хмыкнул Ксадар.

– Мда... риторический вопрос.

– Короче. Сейчас мы опрашиваем постояльцев. В связи с твоим... гм... зеленым цветом сир Далтон оставил тебя на последок. Расскажешь ему все без утайки.

– Тьфу-ты ну-ты... какая к бесам утайка? Говорю же, не помню ни хрена!

Сверху послышались тяжелые шаги, и вскоре за перилами нарисовалась массивная туша сира Далтона.

– Вот вы где. – Он скрылся из виду и, прогрохотав по скрипучей лестнице, переместился за наш стол. – Капитан Ксадар! Чем это вы здесь занимаетесь?

– Допрашиваю свидетеля, сир! – Ксадар стремительно вскочил, вытянувшись пред начальником. Меня всегда вводил в недоумение его пиетет пред старой графской крысой.

Сир Далтон мрачно обвел взглядом стол с початой бутылкой «Хадарского листа».

– Выпьете, сир? – Я наполнил стакан и пододвинул его к сир Далтону.

Секунду казалось, что он просверлит меня взглядом насквозь... но вместо этого он, махнув рукой, опрокинул в себя стаканчик бесова пойла и, придвинув стул, грузно опустился за стол.

А старик-то подседал. Его массивная фигура выглядела уже не устрашающей, как раньше, а грузной и расплывшей-

ся. Когда я видел его в последний раз... гм... года, этак, три назад, сир Далтон был еще ого-го! А сейчас... седые редкие волосы сосульками свисают на изрезанное морщинами лицо, набрякшие мешки под глазами, бесцветные губы, попятнанные табаком, разве что одет все также добротнo и чисто. Темно-зеленый, почти черный, бархатный сюртук, клетчатый шейный платок, что повязан напоказ небрежно. Нацепить бы ему еще шеварнийский котелок на голову, и будет вылитый чиновник средней руки, коих я повидал немало за годы учебы. Сир Далтон определенно нашел себя в амплу престарелого бюргера.

– Шат, твою мать, тащи пожрать! – крикнул сир Далтон, разметав дымку образа потертого жизнью старшего клерка, и обернулся тем, кем и был – хамоватым ублюдком, давним, преданным советником графа Хисара. И уже обращаясь к нам с Ксадаром, он буркнул. – Скоро уж полдень, а во рту маковой росинки... Садись капитан, че стоишь-то?

То ли многоопытный месье Шат был готов к такому повороту событий, то ли звезды сегодня сошлись в нужном месте, но не успел Ксадар присесть на лавку, как все та же Милли и ее пухлая товарка грохнули на стол тяжелый чугунок наваристого картофельного рагу с рубленой свининой и груды посуды на троих. О Ушедшие, старина Шат, увижу – расцелую!

– Клоповник, мать его за ногу... Никакого этикета. Ну рассказывай. – Не дожидаясь пока служанки разложат ра-

гу, сир Далтон отослал их взмахом руки и, самолично навалив себе варева, принялся методично уплетать простецкую жратву. В отличие от Ксадара, он был каменно спокоен.

– Пил, спал... гм... блевал, упал! Не... – я задумался, одновременно накладывая себе рагу. – Пил, спал, упал, блевал!

– Что-нибудь слышал ночью?

«Да что ж он так чавкает-то?!» – пришла откуда-то шальная мысль. Будь я Владетелем, на километр не подпустил бы к себе такого мужлана! А еще, бараний рог ему в грызло, дворянин называется. Никакой культуры. Семь лет обучения в Белой Цитадели, хочешь не хочешь, а вырастили из провинциального остолопа, то есть меня, приличного молодого дворянчика.

– Э-э-э...

– Ясно. А теперь слушайте меня. Сегодня мы оказались в серьезной заднице! И ты, – он указал на Ксадара, а потом ткнул и в меня, – и ты!

– А я-то какого хрена?!

– Такого, мать его, хрена! – внезапно взревел сир Далтон, оторвавшись от рагу. И резко понизив голос, чуть ли не шепотом, продолжил. – Там наверху – два трупа. Вернее куски двух трупов. И один из них, несомненно, сир Рональд да Рома, Наследник ойкумены Ледяная гора!

– Твою мать... Но Шат сказал же, что это был сир Джек?

– Да, Ксадар. Он кутался в плащ Джека и представился Джеком, но это был Рональд. Об этом нам красноречиво по-

ведало его отодранное от головы лицо, что мы вытащили из-под кровати. А значит, что от этого дерьма смердит политическим дерьмом!

Советник графа снова заработал челюстями, а во мне сошлись на смерть две мысли: че за хрень происходит, и что надо бы сочинить оду тому из Ушедших, кто в доисторические времена сотворил картофельное рагу!

Пока мы с Ксадаром переваривали услышанное, сир Далтон неожиданно захрюкал своим мясистым носом:

– От кого это так несет клозетом, от тебя что ль, Аска? Что за срань на тебе надета? В приличном обществе не принято жрать в одной рубашке!

Кто бы говорил про приличное общество, старая кочерыжка! Но я смущенно промолчал, а что тут скажешь? Состояние моего костюма и вправду оставляло желать лучшего. Кое-как очищенная от блевотины батистовая камиза на вид тянула на пару медяков, а не на пять бесовых серебряных, что я отвалил какому-то прощелыжному гному в Постриже! А шелковые, умопомрачительного бледно-сиреневого цвета, шоссы, выписанные с континента, покрывало несколько безобразного вида пятен, в том числе и подозрительно травянисто-зеленого цвета, на коленках. Будто я сношал какую-то «кобылку» на росистом лугу.

Вылив себе остатки «Хадарского листа», я спросил, уходя от неприятной темы:

– Сир Далтон, ну кому сдалась наша жопа мира?

– Кому-то, да сдалась!..

Дверь в зал распахнулась, и в него проник длинный нос мессира Барагавы. Вслед за носом, согнувшись, чтобы не удариться о косяк, появился и сам длинный и тощий, как жердь, дипломированный специалист в области прикладной стихийной магии. Данный специалист числился главой местной ячейки Храмовников и верховодил парой прыщавых практикантов, которых исправно засылали к нам из какой-то магической универсатории, а также являлся придворным магом при графе Хисаре.

Близоруко шурясь, он в нерешительности затоптался у входа, механически расправляя прожженное в паре мест кофейное сюрко. Сир Далтон тяжело вздохнул и, забрав с собой Ксадара и мага, опять скрылся наверху, оставив меня в одиночестве.

Ну что сказать. Утро не задалось.

– Милли! Твою мать... Притащи нормального пойла!

Уже вскоре я распивал отличное бергийское вино по серебряной монете за бутылку. А мой мозг тшился переварить услышанное.

Кстати! Давно пора, собсна, представиться!

Аска Фиорентийский! Балагур, весельчак и просто хороший человек! Вернее, наполовину человек! Так как вообще-то я полуэльф. О, история моего рождения возвышенна и трагична, и она, определенно, достойна быть переложена на стихи и прогреметь по всем Северным ойкуменам

гениальнейшей поэмой. Это будет история любви и смерти, добродетелей и подлецов, и тысячи пылающих сердец, что прочтут эти строки, всколыхнутся от переживаний и сочувствия героям. А уж когда автор сего бессмертного творения будет посещать, по приглашению, разумеется, своих преданных ценителей, то мужественные воины будут украдкой утирать скупую слезу, а женщины... а женщины... Эх... Чтот я замечтался. В общем двумя словами тут не обойтись, расскажу, как-нибудь, потом.

Итак – Аска Фиорентийский, он же Весельчак из Фиорены, Виршеплет из Фиорены – то все я. Не то чтобы я бывал на самой Фиорене... Говорят, это поистине прекрасное место, но главное, из Фиорены была моя первая... мм... женщина. Девушки-то у меня были и до нее... но Она была, ну та-а-а-кая Женщина! Женщина с большой буквы! Короче, когда-нибудь я напишу поэму и об этой трогательной истории. Так вот. Родился я на ойкумене Ледяная Гора. Здесь я вырос, возмужал, сложил первые вирши, в честь дочки мельника; и едва мне стукнуло пятнадцать годков, а на моих щеках заколосился первый юношеский пух, хренов папаня выпнул меня с родной ойкумены. Университория «Белая Цитадель» (которая располагалась на одноименной ойкумене), что слыла, наверное, самым уважаемым учебным заведением всего Восточного Схарамы, стала мне домом на долгие семь лет. И, клянусь Ушедшими, это единственное за что я благодарен старому пердуну, что по недоразумению Про-

видения является моим папаней!

Увы, но все прекрасное когда-нибудь заканчивается. Закончилась и моя учеба. О, эти дивные года! Сколько пар было прогуляно, сколько шкод было свершено, сколько гулянок пропьянствовано и сколько студенточек завалено, среди парков и фонтанов этого сказочного места?! А мои вирши? Тешу себя надеждой, что когда-нибудь Белую Цитадель хронисты только и вспомнят, что именно на этой ойкумене начинал творить легендарный виршеплет – Аска Фиорентийский! И надо без ложной скромности сказать, что первые шаги, будущий гениальный творец, в лице моей персоны, уже сделал! Недаром именно я, а не эти трижды трахнутые бездарности, братья Авренти, отстаивал честь родной университории на Красных играх в Деаревладе в прошедшем году! И сам глава жюри – великий виршеплет Блар Рулевой Клык поставил мне четыре, мать их, балла!

Но теперь мой путь лежит на юг, где меня уже ожидает синекура должность и, тешу себя надеждой, всеобщее признание! Ибо я всерьез намерен снискать лавры успеха на поприще сочинительства и виршеплетства! Конечно, поначалу придется попросиживать штаны, руководя стадом каких-нить клерков, но зато я буду вхож к настоящему Двору! Двору Его Величества Верховного Магистра, Владетеля и Повелителя ойкумены Ди Сантос! С рыцарями и прекрасными дамами, с блеском и пышностью! Да, это всего лишь Магистрат, но, то ли еще будет! Спасибо старине Бурхарду

фо Бра, веселому раздолбаю, что за долгие семь лет учебы стал мне настоящим другом. Бурхард был отпрыском знатного семейства в Магистрате, любимым внучком какого-то старого хрыча, занимающего весьма высокий пост при Дворе Верховного Магистра. Уж не знаю, с какого перепуга его отослали обучаться аж в Белую Цитадель, но теперь, закончив обучение, он получит хороший пост и найдет куда пристроить давнего товарища по проделкам!

Итак, что мы имеем. А имеем мы труп Наследника прямо под моей комнатой. Как метко выразился сир Далтон – это не просто дерьмо, это политическое дерьмо! И я хочу быть от него как можно дальше! В идеале – уже на корабле над *скверной*. Посетил родные места, прогулялся по мощеным серым камнем мостовым родного Зажопинска, ну и, конечно, заглянул к старому пердуну за увесистым мешочком с содержанием, а теперь вперед к славе и успеху!

Свалить сейчас? А не будет ли это подозрительно? О, еще как! Но могу поспорить на свои уши, что чем скорее я окажусь как можно дальше, тем меньше геморроя заимею на свой упругий, наполовину эльфийский, зад! Решено, нечего здесь рассиживаться!

Прихватив остатки вина, я двинулся к себе в комнату приводить себя в порядок. А то, право слово, видок у меня...

Просочившись, аки легендарный охотник на последков – Баринор Легкий Шаг, сквозь толпившихся на втором этаже стражников, я возвратился в свою скромную обитель, в ко-

ей мне пришлось остановиться, на то время, пока не стрясу с папани положенные мне золотые. Их я уже давно стряс, но переезжать в заведение попримичнее мне было лень.

Шат, в хвост тебя и в гриву, мог бы и ремонтник сделать, обстановка номеров, не менялась, наверно, со времен моего юношества! Но это я зря ругаюсь. Как-то так получалось, что наведываясь домой, я неизменно заглядывал именно в клоповник старого месье Шата, мало того, что он весьма недорог (а после бурно проведенного учебного года, к каникулам, я чаще всего был по уши в долгах), так еще и находился всего в половине квартала от одного расчудесного заведения. Звалось оно – «Семнадцать удовольствий мадам Жиро» и обладало чрезвычайной притягательностью для молодого здорового организма! А если год был чересчур бурен и мои долги сравнивались по величине с моими талантами, как случилось в этом году, то можно было воспользоваться девочками и самого заведения месье Шата.

Едва только я завалился в номер, как меня накрыла волна жуткого смрада. Зажав нос, я аккуратно протиснулся мимо лужи своей блевотни. Да что ж я такое вчера сожрал, что это так во...

Твою же мать!

Рука была четырехпалой, заросшей короткой серой шерстью, покрытая коркой засохшей крови. Каждый, похожий на толстую сардельку, палец оканчивался мощным когтем. Я непроизвольно сглотнул, борясь с желанием свалить отсюда

со скоростью метеора или хотя бы заорать.

О Ушедшие, сдержать рвущийся из глотки крик – то был подвиг! Напишу-ка я об этом песню! Но позже...

Рука вольготно раскинулась на полу, предплечье скрывалось за кроватью. И на первый взгляд валялась непринужденно и неагрессивно, ладонью вверх. Воображение лихо нарисовало загорающего на солнышке... гм... Орка? Гоблина? Легендарного тролля?

Да бесы меня раздери, что за ерунда крутится в моей бестолковой голове? Владелец этой руки валяется прямо за моей кроватью, в узком проходе, пред зашторенным окном!

Я тихонько выдохнул и решительно заглянул за кровать... Твою...

В следующую минуту только что поглощенный то ли завтрак, то ли обед оказался выплескан на пол.

Разогнувшись, я с удивлением увидел в своей руке бутылку, утащенную из зала, и приложился к горлышку. После чего резко распахнул шторы и ставни.

Владелец шерстистой руки был не очень высок, наверное, мне по плечо, но очень массивен. И абсолютно и бесповоротно безвреден... Если только такие твари не живут с кишками наружу.

Заросшее короткой густой серой шерстью тело едва уместилось в проходе. Узкое, похожее на волчье лицо... да какое, к Ушедшим, лицо?! Морда, отвратная морда, выпростав длинный черный язык, глядела на меня застывшими верти-

кальными зрачками. Маленькие круглые уши, выглядывавшие из шерсти, были почему-то розового цвета. И все это едва просматривалось сквозь слегка подсохшую темно-бурую корку.

Весьма интересный субъект. Почему-то, не хотелось бы встретить такого в здравии в темном переулке... Да чего уж там! Не хотелось с таким, и посидеть за пивком. От такого хотелось бежать и прятаться в шкафу, молясь Ушедшим, чтобы он протопал мимо!

К счастью для меня и несчастью для него, этому экземплярю уже не суждено было порезвиться в темном переулке, в связи с огромной раной, протянувшейся от паха до подбородка.

Да что ж за день такой сегодня?!

Присев на кровать, я попытался собрать мозг в кучку, но тут взгляд зацепился за вторую руку существа. Что-то тускло поблескивало в зажатой ладони.

Будь проклято мое трижды траханное любопытство! Зажав нос, я попытался разжать заиндевелую ладонь. Погасшие глаза с вертикальным зрачком с укоризной смотрели на мои попытки выдернуть блестящий предмет.

Сплюнув от злости и задыхаясь от смрада, я обоими руками принялся разжимать скрюченные пальцы, и спустя пару минут пыhtения, у меня на ладонях оказалось настоящее чудо! Тяжелый, переливающийся мириадой искр, вытянутый кристалл, размером с мой большой палец. Будто пригоршня

звезд в бутылочке.

Явно какая-то магическая хрень. Мне, конечно, не пришлось до этого держать в руках бриллианты, алмазы и прочее... но я уверен, что ни один драгоценный камень не может весить столь много, при таких скромных размерах! Я покачал находку в ладонях – килограмма полтора-два навскидку!

Так, и что мы имеем? Имеем труп Наследника этажом ниже, труп какой-то, заросшей серой шерстью, твари и магический кристалл, стоимостью... Да охренеть какой стоимости! Мое воображение живо предоставило мне в распоряжение картину «Аска на море»! На настоящем, мать твою, море! Где-нить на континенте. Какое оно, это море? Видывал я пару картин в Цитадели, пера Орберруда Заоблачного (копии, конечно) с этим самым морем...

Стоп, придурок! Соberись, соberись, дурня кусок! Два трупа уже есть, хочешь третий? С тем отличием, что на него ты вряд ли сможешь посмотреть лично.

Я с рычанием помотал головой и еще раз посмотрел на переливающийся искрами кристалл.

Но ведь это шанс. Один на миллион. Вот он в моих руках. Не жалкие подачки трижды траханного папани, а шаг в прекрасное будущее, где не надо просиживать штаны в кабинете в подвале какого-нибудь министерства, перебирая пыльные бумаги, а просто жить и творить! Нужно лишь грамотно отбрехаться и свалить куда подальше. На континент. Где много Храмовников, много магических магазинов и много

законов. Ты ведь хотел на континент? Хотел! Пятиградье, Баронства и прочие земли – вот где должно блистать твоему таланту, Аска! Когда-нибудь... Но зачем «когда-нибудь», если можно сейчас?! Так вот твой шанс. Ты, Аска, будешь уважаемым господином, а не задрипанным дворянчиком с края мира! И если уж говорить начистоту, в нашем мире, будь ты тысячекратно талантливее даже Бранемора Талантея, от количества монет зависит, кто тебе будет внимать: Правители и Владетели или какой-нибудь граф Чебурек с Кудыкиной Горы! Как твой талант заметят властители и признанные творцы, что крутятся вокруг них, если они попросту не услышат твоих виршей, просто потому, что у тебя недостает золотых, чтобы припасть к элитарному обществу?

Решено!

Первым делом, надо придумать, куда подевать находку. Труп не утаишь – придется идти к Ксадару. После чего он прочешет номер мелким гребнем. И что-то мне подсказывает, что сюда заявится, а он непременно заявится, мессир Барагава. Готов поспорить на что угодно, эту искрящуюся безделицу его длинный нос вынюхает вмиг!

Значит надо его куда-то спрятать... Гм...

Я быстро оглядел номер. Куда уж тут...

Затем решительно перешагнул через серую тушу и выглянул наружу. О Ушедшие! Как же это прекрасно – просто дышать! За окном был самый обычный, затрапезный проулок Базела – одного из двух городков нашей ойкумены. Вооб-

еще-то официально он именовался «Базел-но-Блор» («Обледенелая Гора» на Древнем Наречии), но готов поспорить на свои уши, что об этом помнили только самые старые перечницы. Довольно странное название для местечка, где о снеге слышали только от торговцев, не правда ли?

Мощенная, заваленная хламом и ветошью, узкая улочка, зажатая меж двух четырехэтажных домов и маленький мальчонка, копающийся в отбросах палкой. Провиденье, определенно, благоволит мне!

– Эй, засранец! – Лопухий малой вздрогнул и завертел головой, – наверх посмотри!

Малец взглянул наверх и улыбнулся.

– Привет, дядька Аска!

А-а-а. Я узнал оборванца. Кажется, его кличут Тич. Он вечно крутился около забегаловки старины Шата.

– Да тише ты! Хошь медяк?

– А то!

– Ща!

Так. Видеть камень маленькому засранцу совсем необязательно. Мало ли какие мысли придут в его дурную голову... Что же делать?

Я лихорадочно огляделся. Труп серой твари, мой баул, гитара, на которой я давеча по пьяни оборвал пару струн, выцветшие цветочки... Не то, все не то!

Взгляд наткнулся на опустошенную утром фляжку. Ну-ка, ну-ка... Есть! Вытянутый магический кристалл идеаль-

но прошел сквозь горлышко. Так, теперь... теперь... Я снова огляделся – вот оно! Какая-то засохшая хрень, что ранее была цветком, украшающим подоконник, уныло пялилась в угол. Я быстро наковырял земли и засыпал ее во фляжку, протер покрывалом.

– Малой! Держи! – Выглянув в окно, я перебросил тяжелую флягу в подставленные руки.

– Уй... тяжелая! Все руки отбил. Че это?

– Это, м-м-м... Священное говно священной птицы Хух с Черной ойкумены! Старое эльфийское лекарство. Помогает от запоров прекрасным дамам!

– Э... – Сорванец озадаченно повертел фляжку в руках, приняхался.

– Отдашь мне под Старым дубом, когда часы на ратуше пробьют шесть! Понял? Держи!

Мальчишка ловко поймал медяк, сменив озадаченную физию на озорную.

– Чет мала будет, дядька Аска!

– Как отдашь, получишь еще пять! Мне сегодня ночью как раз к прекрасным дамам. Смотри не открывай, а то сам т-а-ак просрешься! Все, вали отседа!

Малой кивнул, спрятал флягу за пазуху и исчез. А я, еще раз взглянув на страхолодину, пошел сдаваться Ксадару.

Сказать, что тварюга всех переполошила – ничего не сказать! Мессир Барагава то бледнел, то краснел, тихо бессвязно бормотал и закатывал глаза. Сир Далтон стоял мрачнее

тучи, пока зеленый толстяк Бафар с одним из подчиненных вытаскивали кровать в коридор и палками вываливали тяжеленную тушу на середину комнаты. Пока они ворочали труп, кровищи натекло с целое озеро. Ксадар же схватившись за рукоять меча, выглядел так, словно собирался еще пару раз прирезать вонючую тварь.

– Ну и что это за дерьмо? – Сир Далтон вопросительно взглянул на бледного Барагаву, словно тот лично притащил кровоточащую тушу ко мне в номер.

– М-м-м...

– Барагава, твою мать, хватит мычать, мне нужно знать, эта ли тварь прикончила Наследника? – взревела правая рука графа Хисара.

– М-м-м... мне нужно провести некоторые... э-э-э исследования, чтобы сформулировать итоговый... э-э-э... результат. Вот. Нужно взять... м-м-м пробы... – залепетал длинный маг, тая под разъяренным взглядом сира Далтона.

– Ну так бери свои бесовы пробы! Не стой столбом! Ксадар! – Шериф бросил мять рукоять меча и вытянулся в струнку, бешено вращая глазами, словно уже стоял на поле битвы, напротив легиона серых тварей.

– Как эта тварь незамеченной попала на ойкумену? Что здесь делал Наследник? Кто с ним встречался? Я жду ответов! Понял?!

– Так точно, сир! – отбарабанил Ксадар и исчез, а сир Далтон обратил взор на меня.

– Так зачем ты вообще появился здесь? Недостаточно покуролесил в прошлый раз? Ты ведь закончил обучение, разве не было сказано, что тебе здесь не рады? – серо-стальные глаза сира Далтона пронзительно зыркнули на меня из-под кустистых бровей.

Я отвлекся от созерцания битвы между океаном крови серой твари и морем моей блевотни за овладение старыми выщербленными досками.

– В последний раз хотелось поглазеть на родные места, сир... Ну и получить содержание... тоже в последний раз...

– Отца видел?

Я помотал головой:

– Слуга передал деньги.

Сир Далтон хмыкнул. Я с удивлением увидел в его глазах тень сочувствия. Он приблизился ко мне, и внезапно, положив руку на мое плечо, проговорил, обдав табачным дыханием:

– Похоже, Рональд вчера спас тебе жизнь, смертельно ранив эту тварь перед гибелью, запомни это...

О мудень великана, на мгновение сир Далтон даже показался мне человеком, но уже через мгновение он вернулся к своей настоящей ипостаси – сварливого старого ублюдка:

– Пока я не разобрался, что за дерьмо здесь происходит – будешь жить в соседнем номере. А потом исчезнешь отсюда навсегда. Проваливай.

И я «провалил».

Солнце ласково подпаливало взбудораженный город. Известие о случившемся уже разнеслось по улочкам и закоулкам. Мамаши обсуждали страшную кончину сира Рона, приглядывая за играющими детьми. Стражники, подрагивая, перешептывались о смрадном трупе серой твари. Купцы и мещане, каждый в меру своей образованности, наперебой строили версии. Крестьяне с хуторов озабоченно хмурили брови и поминали несчастного Наследника.

А я бодро... ну почти бодро, шагал по древней брусчатке, насвистывал «Влюбчивую Дженни» и попивал вино из захваченной с собой бутылки. Бутылку я заполучил чудом, так как меня выперли из клоповника Шата не дав времени даже подобрать наряд, в коем предстояло выйти в город. Я закинул пожитки в соседний номер, натянул первые попавшиеся шмотки и, под внимательным взглядом сержанта Бафара, слинял через кухню, где и прихватил «Хадарский лист».

Несмотря на сумасшедшее утро у меня было хорошее настроение.

Воображение уже рисовало мне арочный эльфийский особняк на берегу безбрежного синего моря, точь-в-точь, как на гравюре в «Странствиях Босого Гамара» сира Лозека, что я прочитал в прошлом году.

И вот нисколько, ну вот нисколько не волновал меня труп Наследника. «Спас тебе жизнь, бла-бла-бла!» Высокомерный наглый ублюдок! Уж я то знаю, что представлял из

себя старший отпрыск старого графа. Это пускай дебелие крестьянки из лесных хуторов стенают по любимому Наследничку, но не я! Мне особняк на берегу моря, а ему трупные черви! Вот чувствую, задницей чувствую, что за бесов кристалл мне отвалят огромную кучу денег. Вся эта магическая хрень о-о-очень дорога.

Пройдя распахнутые ворота с подпитыми стражниками, я направился к Старому дубу. Старый дуб в самом деле выглядел, как Очень Старый Дуб. Высился на вершине холма на опушке леса в километре от городка и с пренебрежением поглядывал вниз на далекий шпиль ратуши, самого высокого здания Базела.

Когда я приблизился к дубу, мелкий оборванец уже был на месте: сидел, привалившись к морщинистому стволу и задумчиво ковырялся в носу.

– Эй, мелюзга! – Я требовательно протянул руку. – Гони флягу.

– Ща, дядька Аска! – Малой извлек откуда-то из-за могучих корней засаленную котомку и, порывшись внутри, протянул мне драгоценную флягу.

– Дядька Аска... а чегой это она?..

– ?

Он с удивление смотрел на флягу в своей руке. Я быстро выхватил ее у него и тут же понял, что озадачило мальчугана.

Фляга ощутимо вибрировала.

– Давно она так?

– Не... вот тока...

– Гм... Так, вали-ка ты отсюда...

– Дядька Аска, а че ет с ней?

– Не твоего сопливого ума дело! – вспыхнул я. – Вали, я сказал! На!

Я сунул засранцу в руки горсть медяков и при помощи ускорительного подзатыльника прогнал его с лужайки. После чего, держа в руках флягу, со вздохом присел на изгиб могучего корня, выбившегося из-под земли. Вибрация и не думала стихать, даже, кажись, стала настойчивее.

Ох, Аска, Аска. Где же твои мозги?

Естественно, отщелкнув крышку, я высыпал содержимое себе на ладонь! И не успел дрожащий кристалл коснуться кожи, как что-то вспыхнуло, камень выпал из моей руки и над ним возникло туманное марево!

Ох, вепрево колено мне под зад! От неожиданности меня сдуло с корня, поменяв голову и пятки местами. И ведь и вправду – у некоторых в пятках мозгов больше, чем в моей пустой башке! Ибо, когда я, выругавшись, выглянул из-за корня и посмотрел на марево, мне стало дурно, а все выпитое настойчиво застучалось в глотку с другой стороны. Ибо в мареве сидел очень насупленный господин. Вернее, его верхняя половина... Словно в оконце. Магия, твою мать!

– Ты кто такой, отрывка Ушедших? – спросил я и тут же пожалел о выпорхнувших словах.

Ибо господин явно был не из тех, к кому можно обращать-

ся подобным образом. Черные, как смоль, коротко стриженные волосы, аккуратная бородка утиным хвостом, обветренное лицо с ястребиным носом. Грозный взгляд не предвещал ничего хорошего.

Замерший было в удивлении господин нахмурил кустистые брови и коротко рявкнул:

– А ты кто такой, щенок?

– Я... э-э-э... А вы?... – Если бы Ушедшие не ушли, то мне было бы на кого свалить свое сегодняшнее тугоумие. Ну вот, что я несу?

Господин, видимо, подумал о том же.

– Ты вздумал со мной шутки шутить, щенок? Быстро отвечай, кто таков, и как у тебя оказался синкляр? – взгляд гневно пылающих глаз сурового господина начал натурально меня прожигать.

– А-а-а... – сказал я и попытался сделать ноги... Правда мне хватило одного мгновения, чтобы понять, что так просто от этой истории я не отделаюсь. Взгляд зависшей в воздухе фигуры пригвоздил меня к месту.

Тут мне по-настоящему стало страшно. Почти так же, как тогда, когда замдекана философского факультета славной университории Белая Цитадель, застучал меня на своей дочери.

О Ушедшие! И глядит этот бородатый господин точь-в-точь, как тот старый таракан!

– Аска! Меня зовут Аска!

– И кто ты такой, хренов Аска?

Уф, это уже лучше. Думаю, прямо сейчас меня убивать не будут. Я немного успокоился и уже более степенно представился:

– Позвольте представиться, уважаемый господин... э-э-э... Меня зовут Аска Фиорентийский. Широко известный в узких кругах виршеплет и сказитель!

– Не больно ль ты молод для «широко известного в кругах» виршеплета? – Взгляд ястребиноносого перестал нависать грозовой тучей. Я немного выдохнул и сумел рассмотреть сквозь мутное марево шикарный парчовый халат, в который был облачен мой собеседник.

– Ну так то «в узких»! В широких, я пока, увы, представлен мало...

– И как у тебя, виршеплет Аска оказался этот кристалл?

Увы и ах, ну не герой же я, что должен молчать под пытками? Пыток этот суровый господин мне пока не устраивал, но что-то мне подсказывало, что мог бы. Где-то даже, наверно, и с удовольствием...

Короче выдал я все, как на духу! И про мертвого Наследника, и про безобразный труп... Я уже было начал рассказывать про скользкие делишки наших стражников, коих было немало... Но суровый господин оборвал меня взмахом руки. И на меня опять накатила липкий страх. Ибо пока я говорю – я жив... а стоит замолчать...

– Гм... – сказал он. И от этого «гм...» душа моя ушла

в пятки... Зависшая в воздухе фигура, задумчиво почесав бороду, оценивающе поглядела на меня.

– Что ж, виршеплет Аска. Возможно, ты мне понадобишься. Иди пока. Держи кристалл при себе. Поможешь мне – а я помогу тебе. Заработаешь немного монет... – туманно посулил он.

И исчез.

А я постарался, как можно скорее исчезнуть с этого треклятого места!

Аска, Аска, да куда же ты влип?! Какая-то тварюга укокошивает Наследника нашего любимого графа, а что будет дальше? Могу поспорить на длинные уши моей мамыши, что это только начало! Клянусь яйцами, этот суровый, не представившийся ястребиноносый господин, является хозяином той вонючей твари, что я нашел утром у себя в комнате. А значит... надо валить! И валить как можно скорее! Хрен с ним, с этим кристаллом, хрен с ним, с этим обещанным мне золотом, хрен с ним, с треклятым сиром Далтаном! В книгах такого свидетеля, как я, угрожают при первой же возможности. Странно, что этот господин не сделал этого сразу... а может, не смог? А может быть, он вообще за тысячи километров от нас? Кто этих магов знает...

На этой мысли я немного повеселел. И после некоторого колебания закинул кристалл в кусты.

Нахрен!

Завтра же сяду на первый попавшийся корабль и свалю из

этой дыры! Хотел же сразу направиться на юг, но нет. Захотелось напоследок стрясти с папани денег. Стряс? Козье копыто тебе в зад, старый пердун! И тебе, Аска, тоже это самое копыто в зад! Где были твои мозги, когда ты разжимал треклятую ладонь серой твари? Море, особнячок... твою же мать!

Я не торопясь шагал по утоптанной тропинке и на чем свет стоит клял собственную глупость. Впереди раскинулся городок, позади виднелся лес, высилось скалистое взгорье, в нескольких километрах к северу у которого стоял невидимый отсюда графский замок. По левую руку, на восток, уходили поросшие ярким разнотравьем холмы. Идиллия. Мне что-то стало даже грустно. Увижу ли я снова родную дыру? И захотелось даже что-нибудь сплести этакое... Душевное. Как там говорил старый хрыч Аргилак Ласточкино Крыло? – «Лишь в грусти поэт может зачерпнуть...» А чего зачерпнуть-то?.. Забыл.

Ледяная Гора. Одна из удаленных и на фиг никому не нужных ойкумен Восточного Схарамы. Глыба в двадцать километров в поперечнике, висящая в океане *скверны* – ядовитого Слова Богов, что расколело наш бедный мир на кусочки. Архипелаг наших удаленных от цивилизации ойкумен находится в самом северо-восточном углу изведанных земель. Нет, дальше на восток, конечно, тоже есть какие-то поселения, но то варварские места, и приличному господину не с руки шнырять по таким. Туда летают только лихие

торговцы выменивать какую-то дребедень у тамошних варваров. А еще дальше на восток сохраненные магами древности ойкумены заканчиваются, и начинается Край Мира – пояс голых, покрытых лишайником каменных глыб.

Когда я добрался до ворот, уже свечерело, острые шпили домов отбросили длинные тени. Я протопал мимо перешептывающихся стражников и направился в одно веселое заведение.

В прошлом году, едва я прибыл отдохнуть от учебных дел, меня всецело захватила одна легкомысленная интрижка с дочкой ныне покойного купца Варта Буртольда... и до сего приятного заведения я так и не добрался. Но все предыдущие года ноги сами собой неизменно заносили меня в сию обитель крайне доступных дам. Надо сказать, что за периоды моего отсутствия персонал данного заведения почти полностью менялся. Кто-то спивался, кто-то дурнел и оставлял профессию, кто-то выскакивал замуж и становился добропорядочной миссис, а кто-то сдыхал от скуки. Но благо маман Стефания по-прежнему щеголяет шестым размером и ласкова, словно телушка с телянком. Чудесная женщина и собеседник!

– Аска, мальчик мой! Как я рада тебя видеть! Слыхала я, что ты посетил наш добрый край, и все гадала, увижу ль тебя снова наяву?! А ты все растешь! – засеменила она ко мне, едва я ступил за порог неброско выглядевшего домика на окраине.

Впрочем, спору на длинный отросток моего папаша – абсолютно все состоятельные господа нашего городка и без всякой вывески прекрасно знают сюда дорогу!

– Маман! Приветствую! Видят Ушедшие, от дурных мыслей меня сейчас спасет только бутылка хорошего вина! Или две...

Маман была мне по подбородок, но имела привычку, при встрече, прислонять головы гостей к своему внушительному шестому размеру, в который она меня немедленно и погрузила. Ох, что это был за шестой размер! Наконец, оторвав меня от себя, она горестно зацокала:

– И не говори! Горе-то какое! Наследничек преставился!.. Ну, ты не переживай, дело это такое... всяк приходит, всяк уходит... – было запричитала она, но взглянув на мою кислую физию, весело всплеснула руками.

– Ну и хрен с ним! Пойдем, мой мальчик, в палаты! Сейчас пришло к тебе девочек, расслабишься! А потом заглядывай ко мне, расскажешь, как живешь там, вдали от дома!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Волна лениво накатила на песчаный пляж и растеклась, подогнав пенный бурун к моим босым ногам. Мокрый холодок коснулся пальцев и отступил в тот же миг.

– Аска, мальчик мой, ты где?

Я обернулся на знакомый грудной голос. Взгляд сам собой нашарил фасад стоящего невдалеке чудесного, по-эльфий-

ски «летающего», особнячка. Я четко помнил, что уже где-то видел эти знакомые обводы стен, стройные, перевитые белыми мраморными и живыми зелеными, стеблями, колонны. Слепящее солнце, что било прямо в глаза, мешало рассмотреть остальное.

– Аска, милый, да где же ты? – вновь прозвучал голос, и маман Стефания вдруг оказалась совсем близко, на расстоянии вытянутой руки. – Искупаемся?

О Ушедшие, да она была почти обнажена! Руки сами потянулись к тяжелым округлостям, что едва-едва поддерживались подвязанным за шею кружевным, совершенно не предназначенным для купания, лифом.

Бочку пива мне в грызло, я только сейчас заметил, как она молода! Да-да, именно такой я впервые увидел ее еще мальчишкой, лет восемь назад. Да я могу поспорить на мои уши, что тогда на ней был этот же самый бежевый кружевной лиф, который я в задумчивости мял в руках поутру, слагая сонет в ее честь.

– Аска, мерзкий мальчишка! Маман, сегодня он мой! Отпустите его! – раздался где-то рядом нежный голосок какой-то не на шутку взъярившейся особы.

Я обернулся и с удивлением увидел молодую очень красивую девушку, облаченную в едва державшийся на бедрах полупрозрачный отрез эльфийской ткарты. Распавшиеся по груди каштановые волосы не давали разглядеть самое интересное.

Николь? Я не успел даже рассмотреть черт ее лица, как вдруг поднявшийся ветер бросил мне в лицо мои же волосы. В мгновение ока налетевшая буря поглотила мир непонятно откуда взявшейся пылью.

Откуда-то издалека я все еще слышал, как спокойным нудным голосом что-то бубнит Николь.

В глазах потемнело и...

Я проснулся.

Охо-хо-хо... бедная моя головушка. Кто-то немилосердно тряс мою тушку и от этого в голове раскатывался топот атакующей рыцарской конницы.

Сознание медленно просыпалось, вслед за остальными частями тела. Где-то в животе между собой сражались бесы, споря через какое отверстие они покинут мои бранные тела. А рядом настойчиво заявлял о себе мочевого пузырь.

О Ушедшие, да на кой хрен я вчера так уделался?!

Меня, наконец, перестали трясти.

Если будет суждено мне добраться до сортира, я сложу об этом подвиге поэму!

Продрать веки так же была совсем не тривиальная задача. Но недаром у меня за плечами семь лет обучения в самой уважаемой университетии Восточного Схарамы! А если университетория самая уважаемая, что это значит? А это значит, что она битком набита самыми чванливыми и богатыми разгильдяями всей нашей задницы мира! И вся эта когорта ублюдков обожает веселиться! В общем, к чему это я... К

тому, что опыт в пьянках у меня – будь здоров! Нет, мне, конечно, далеко до вершин, что покорял Василивс Три Шара, или Бэзил Длинный... гм... просто Длинный. Эти ребята могли не просыхать месяцами – от сессии до сессии, но и имя Аски Фиорентийского тоже навеки вписано в университетские анналы!

Короче, не прошло и пол минутки, как глаза были продраны! И это был подвиг! И пред моим взором предстала задница. Весьма, надо сказать, красивая и голая, со смачно отпечатанной пятерней. Кажется, эту задницу я драл сегодня ночью...

От сего прекрасного вида было трудно оторваться, но когда я сфокусировал взгляд за этой милой попой, мое настроение быстро начало сдуваться. Ибо у распахнутой двери стоял незнакомый очень недовольный седой господин.

Аска, мать твоя, эльфа! Ну что опять с тобой приключилось?

А господин, кстати, что-то выговаривал заднице... в смысле милой Николь, коей она принадлежала. Правда, я почему-то ничего не слышал.

Тут бесенята в желудке все-таки пришли к консенсусу и постучались наверх, и я, свесившись с кровати, изверг приличную часть ужина на потертый выцветший ковер.

И тут же включился слух.

– ...он виршеплет, сир...

– Бу-э-э-э... – сказал я, тем самым прервав лепетание ми-

лой Николь.

Седой господин соизволил обратить на меня внимание.

– Вон! – коротко рявкнул он очень недобрый голосом, после чего Николь, даже не забрав тут и там раскиданные вещички, упорхнула, в чем мать родила. А мне, похоже, предстоял еще один не очень приятный разговор... ох...

Проблевавшись, я попытался снова сфокусироваться на господине.

Был он высок, сед и мрачен. Коротко стриженные волосы плавно переходили в короткую бородку, обрамляя благородное лицо. Несколько не морщин, но жестких складок, пролегших по лбу и от крыльев носа, указывали на то, что этот господин привык приказывать и повелевать. Серое сюрко дорогого пошива, высокие походные сапоги, кинжал на поясе. Чем-то он был похож на вчерашнего хрена из кристалла. Да что там похож – их будто отливали в одной плавильне. Оба были каких-то особых породистых, властных кровей. Разве что вчерашний ястребиноносый выглядел на лет сорок, а этот на пятьдесят с хвостиком. Впрочем, возраст ничуть не сказался на его высокой поджарой фигуре.

– Проспался, щенок?! – ласково спросил он, вперив в меня взгляд жестких зеленых глаз. Так сюсюкают с котятами, перед тем, как утопить их в ведре.

О Ушедшие, да у них с давешним хреном в халате даже лексикон одинаков.

– Э-э-э...

«Бац». Я даже не заметил, когда он оказался рядом! За-трещина скинула меня с кровати прямо в... ну в общем в отходы моей жизнедеятельности.

– Где ж ты, балбес, наякшался с темной магией? – заглянул он мне в глаза, присев на корточки возле моего брэнного тела.

Таким взглядом рассматривают тлю на подошве сапога.

И тут я что-то прям разозлился! Да с какого это беса этот мудень врывается ко мне в номер и бьет?! Я ему что, прислуга какая-то?!

– Ка-а-акой такой темной магии! Па-а-апрашу... – Я заскользил по вонючей луже, а седой господин поднялся, чтобы не попасть под брызги. – Да, что вы себе позволяете, сир?!

Возмущенно сопя и придерживаясь за драпированную шелковистыми обоями стену, я поднялся и, клянусь яйцами моего папаши, это был подвиг! Я покачивался, стоя на ватных ногах, и мир покачивался вместе со мной. К тому же я заметил, что ни кусочка материи на мне нет. Да ну и что! Мы не из стыдливых! Я гневно взглянул на задумчиво взиравшего на сие зрелище незнакомца.

– Па-а-апрашу оставить мои п-покой! Не то я позову стражу! И, поверьте мне, я не последний человек на этой ойкумене! Чтобы какой-то не пойми кто...

Внезапно седой незнакомец неуловимым движением оказался совсем близко! Я почувствовал, как горло сжало стальными тискаами, а мне в глаза впился разъяренный взгляд зе-

ленных глаз. Твою мать, на миг мне показалось, что в его зрачках натурально вспыхнули искорки огня! А-а-а...

– Х-х-х... – только и сумел прохрипеть я вместо крика.

– В Пограничье ты бы уже выл на дыбе, щенок... От тебя смердит темной магией. И я хочу знать почему?

Мысли крысами разбежались из моей дурной головы. Осталось лишь стремление все рассказать этому суровому господину. Что я и не преминул сделать, едва только седовласый ослабил хватку. Захлебываясь от желания вывалить все и сразу, я начал говорить. Незнакомец брезгливо слил меня на кровать и застыл, сложив руки на груди. Клянусь, я рассказал все что знал! О трупe Наследника, трупe твари, кристалле и прочем. У меня не возникло ни единого сомнения, что этого седого невежливого господина интересует то же самое, что и давешнего ястребиноносого из кристалла.

И чем больше я говорил, тем мрачнее становился седовласый незнакомец. Похоже, последние пару дней он был занят перебором девочек маман Стефании и был совершенно не в курсе того, что сотворилось в нашем сонном городке. Едва только я упомянул об ужасной кончине Наследника, как седовласый смертельно побледнел. Я даже было забеспокоился о здоровье длинного ублюдка.

– Как, говоришь, он выглядел? – внешний вид мага из кристалла вызвал у него неподдельный интерес.

– Ну, такой, коротко стриженный... черноволосый... глаза карие... вроде... борода... в халате он был, сир!

Седовласый быстрыми порывистыми шагами прошелся по комнате. Туда. Сюда. Откинул полу шторы, зачем-то бросил взгляд на улицу, потом вновь обратил внимание на меня. Пока он думал думы, я лихорадочно соображал, как свалить от этого неприятного типа.

Дай только добраться до Ксадара! Я с удовольствием погляжу на твою высокомерную рожу в каталажке! Да я...

Аска, твою ж мать! Собери мозги в кучу! Какой, к бесам, Ксадар?! Ты так жаждешь объясняться с сиром Далтоном по поводу свистнутого кристалла?

Наконец, перестав сверлить меня взглядом, от которого мне хотелось провалиться в *скверну*, и что-то надумав, седовласый неожиданно выглянул в коридор, изрядно напугав стоящих там взволнованных товарок Николь.

– Притащите теплой воды. Быстро! – услышал я его команду.

Спустя несколько минут в комнату впорхнула уже одетая Николь, а из-за двери выглянули любопытный нос и шестой размер маман. Николь притащила большой тазик с теплой водой и полотенце. Напоследок седой незнакомец наградил обеих суровым взглядом, как бы предупреждая о вреде подслушивания у двери в отдельно взятый номер. Женщины понятливо улыбнувшись, исчезли. А я немного успокоился. Если маман Стефания не послала за стражей, значит, уверена, что ничего особо страшного мне не угрожает, а раз так, то можно немного расслабиться. Чуть-чуть.

Но расслабиться не получилось. Под взором треклятых зеленых глаз я быстренько умылся, перерыл номер в поисках брэ, в полголоса чертыхнулся, когда нашел их в чем-то подозрительно засохшем, оттер эту пакость, еще раз чертыхнулся, когда мокрые, натягивал их на себя, выругался трехэтажным хореем, когда напялил остальную одежду и, наконец, принял относительно благообразный вид молодого дворянина.

Шелковые, чудовищно модные, бледно-сиреневые шоссы, светло-зеленый пурпуэн, расшитый эльфийским тысячецветником, из-под которого виднелись, сейчас несколько пожамканные, кружевные манжеты камизы; чуть более насыщенного, чем пурпуэн, оттенка, берет с черным посеребренным пером непонятно какой птицы. Говорят, такие береты сейчас таскает половина молодежи Пятиградья! Их доставляют контрабандой из земель последков, мне пришлось отвалить за него чуть ли не четверть годового содержания, что выдает мой треклятый папаша!

Седой хрен скептически осмотрел мою долговязую фигуру и, хмыкнув, вышел из комнаты, даже не проверяя, пойду ли я за ним. Я тяжело вздохнул и поплелся следом.

Едва только мы вышли на улицу, мой нелюбезный спутник коротко приказал:

– Веди.

– К-куда?

– К кристаллу естественно, где ты там его выбросил?

– Под Старым Дубом...

– Ну так веди к Старому Дубу.

Вот и поговорили.

Был чудесный денек, время приближалось к полудню. Бесы в животе, наконец, утомонились, но жутко захотелось жрать. Мы быстро шагали по мощеным улицам, и все шло к тому, что, выйдя из города, я не заморю червячка аж до вечера.

– Сир... – Мой хмурый седовласый спутник все так же продолжал подталкивать меня вперед. – Милорд!

– Ну что тебе? – раздраженно спросил седовласый, как будто я прервал его размышления о судьбах мира.

– Вы, видимо, гость на нашей удаленной от цивилизации ойкумене...

Седой все также вопросительно пялился на меня своими зелеными глазами, в глубине которых прятался огонь.

– Пока вы не покинули сию гостеприимную землю, сир, вам обязательно... ну вот просто обязательно нужно попробовать традиционные базельские блинчики! Я как раз знаю тут одну стряпуху, что держит небольшой прилавок поблизости!

После небольшого раздумья, седовласый нехотя кивнул.

Стряпуха Марпери торговала блинчиками, сколько я себя помню. Неизменный зеленый прилавок на колесиках на пересечении улицы Мастеров с Длинной улицей. Добродушная старушенция в чепце встретила нас привычным причи-

таньем на тему современной, нестойкой моралью молодежи, которая целыми днями косяками топает мимо нее в дальний конец улицы Мастеров, где расположились два отменного качества шлюшника: маман Стефании и «Дом Всяческих Увеселений мадам Баратес». Потом, видимо, вспомнив, что не видела меня целый год, закудаhtала на тему «как я подрос», а затем перешла к теме: «пора бы уже перестать таскаться в шлюшники и жениться на какой-нибудь молодой дворянке, например младшей дочери сира Мелеса, которая уже подросла и стала «ах, какой цветочек».

Я привычно пропустил моральные укоры мимо ушей, а вот мой седой спутник почему-то покрылся легкой пунцой.

Вскоре, держа в каждой руке по очумительному блинчику с яблочной начинкой, мы покинули гостеприимный перекресток и потопали дальше. Но не прошли и сотни метров, как седовласый вдруг, углядев какие-то мощные высокие фигуры вдалеке, схватил меня за локоть и потащил в какие-то подворотни, о которых я и сам уже давно позабыл. Я даже не успел рассмотреть, от кого так мы стремительно ретировались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.